

159.9

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ: ОБЩИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ АТЛАНТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ НА ВОСТОК

А.А. Бреусенко-Кузнецов

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики
Национального технического университета Украины
"Киевский политехнический институт"*

Статья посвящена опису загального міфологічного контексту геополітичного діяння суб'єктів, що належать до атлантичної цивілізації. Розглянуто низку семіотичних опозицій, що відносяться до різних культурних кодів: теологічного, геополітичного, політичного, географічного, часового, просторового, ліберально-вольового, силового тощо.

Ключові слова: геополітичний міф, міфологічний контекст, семіотичні опозиції.

Общей проблемой, к которой обращается статья, есть мифологический уровень сознания нашего современника. Факт присутствия мифологического уровня в детерминации его поведения (в том числе – и прежде всего – социального, политического, экономического) несомненен и активно применяется политехнологами, рекламистами, специалистами по PR. Практика направленного воздействия на мифологический уровень сознания ориентируется на модели, позволяющие объяснять и описывать миф в немифологических категориях. Такие модели построены в произведениях Р. Барта [1] и многих других исследователей, методологически тяготеющих к структурализму.

Мифологический уровень сознания нашего современника (как коллективный, архетипически обусловленный способ ориентации в мире) с неизбежностью подвергается направленным воздействиям с иных уровней, чего не было в архаический период бытования мифа. Поскольку в современной реальности миф как таковой часто неотделим от использующих его манипуляций, но к ним не сводится, есть основания для условного разграничения двух форм мифа: естественной и искусственной. Естественная форма выделяется как прямое и "честное" выражение архетипов коллективного бессознательного, направленное на ориентировку в слабоструктурированных мировоззренчески-значимых ситуациях, искусственная – как манипулятивное использование архетипических образов и тем с целью запутать и подчинить реципиента [3-7].

Наиболее широкой областью человеческого действия, в которой мифологический способ ориентировки доминирует (уже потому, что в ней есть очевидный дефицит личных не-

посредственных контактов народных масс с реальностью) есть область геополитическая. Она же есть и областью наиболее беззастенчивого манипулирования массовым сознанием. В условиях демократии, когда прямое подавление властью личности отходит на задний план, именно манипулятивные способы управления становятся основными. Как наиболее репрезентативная в плане применения искусственного мифотворчества к поддержанию декларативно-"демократического" способа осуществления власти нами будет рассмотрена атлантичская цивилизация. Говоря о практическом выходе такого исследования, отметим, что в принципе *любое действие государства на геополитической арене* наряду с утилитарными нуждами необходимо детерминруется и собственно идеологически, всякая же идеология формируется на мифологическом фундаменте. Стало быть, обращение к мифо-ритуальной стороне этих геополитических актов позволяет вскрывать важные их детерминанты, а значит, приближаться к их прогнозированию. Исследование мифо-ритуального уровня конкретного случая геополитического поведения организации НАТО как субъекта атлантичской цивилизации (таким случаем выступила агрессия в Югославии) представлено нами в монографии "Казни Египетские". К экзистенциально-психологическим истокам современного мифотворчества" [7]. Вместе с тем мы понимаем, что названная агрессия вписывается в более широкую логику действия субъектов атлантичской цивилизации, метафорически определяемую как "движение НАТО на Восток".

Какова общая система искусственных мифов, в которую органично вписывается любой отдельный геополитический миф, актуализирующийся в той или иной цивилизационной общности? Для подробного её анализа здесь нет места, но самые общие её черты – в форме наиболее значимых семиотических бинарных оппозиций и кодов – нетрудно привести. В данной статье мы не ставим задачи привести все оппозиции: к сожалению, если даже в архаических обществах созданный исследователем их перечень для данной мифологической культуры лишь в идеале может исчерпывающе представлять реальное многообразие, то при обращении к современному мифу выделение исчерпывающего списка оппозиций оказывается дополнительно затруднённым информационным взрывом урбанистического общества. К счастью, есть настолько явные фундаментальные противоречия, присутствие которых в некоей культуре очевидно без специального анализа (хотя при их выделении особая роль поневоле отводится интуиции исследователя).

Итак, в качестве задачи данной статьи рассмотрим ряд семиотических оппозиций, несомненно играющих ключевую роль в той общей системе искусственных мифов, которая составляет контекст любого мифологического повествования, актуализирующегося в геополитически приуроченных действиях типичных представителей атлантической цивилизации.

Начнём с оппозиций, выражаемых в политическом коде. Здесь обязательно присутствуют оппозиции, один из полюсов которого составляет «демократия» (которые нам представляются главными, ядерными, исходными). Это такие оппозиции, как «демократия / диктатура», «демократическое / тоталитарное» и т.д. Поскольку мы имеем дело с искусственным мифом, а не со значением слова «демократия» как таковым, бинарность любой оппозиции, включающей данный элемент, сомнений вызывать не должна: произносимое это слово, человек, пребывающий во власти искусственного мифа, называет не одну из форм политического устройства, а форму, противоположную всем прочим, главную форму. Поставить её в один ряд с чем бы то ни было для типичного её апологета кощунственно; он почувствует себя ренегатом. Оскорбить демократию словом недопустимо. Демократия как член любой оппозиции оказывается членом безусловно положительным; с чем бы её не сравнивали, сравнение будет в её пользу¹. Демократия в нравственном коде име-

ет эквивалентом «добро». Кто ближе к демократии, кто с ней ассоциируется (хоть по сходству, хоть по смежности, но не по контрасту), тот оказывается сущностно хорош (при этом данную «хорошую» сущность он, разумеется, обретает не иначе, как извне). Демократия непогрешима, это лучший политический строй из возможных, это венец политического творения венца природы – человека. Всякий, кто к ней прикосновенен, априори счастлив и силен: ему передаётся её политическая мана. Слово «демократия» подобно магическому заклинанию: упоминание о ней призвано отвратить злые козни тоталитарной половины человечества.

В оппозициях, один из полюсов которых занимает «демократия», неявно подразумевается своего рода манихейский дуализм «божественного / дьявольского» (теологический код). В данном случае идёт речь не об эквивалентности сообщений в двух различных кодах, а о явной подстановке: демократию никто не называет божественной, а тоталитаризм дьявольским, но отношение к демократии обретает несомненные религиозные черты. В логике естественного мифа, несомненно, такое отношение не оправдано, поскольку всё, что может быть соотносено с демократическим политическим устройством (как и с недемократическим) относится к миру повседневности, но одной из отличительных особенностей мифа искусственного как раз и есть неоправданные подстановки. Идолопоклонничество искусственного мифа в том и состоит, что повседневным, конечным вещам (в данном случае – понятию «демократия») придаётся смысл вечного, неразлучного с самим человеческим существом; причём эти вещи понимаются не как символы сущности (у понятия «демократия» и нет никакой символической глубины), а как сама сущность, однозначно и исчерпывающе выраженная в слове. Против этой светлой сущности, конечно, могут выступать лишь агенты безусловной деструктивности. Таковыми могут выступать отдельные сознательно предавшиеся «антидемократии» личности, но не народы (которые, должно быть, по определению ещё не потеряны для демократии, и, как и положено «демосу», пойдут по её пути, если их подтолкнуть пропагандой, кредитами, или теми же бомбардировками).

Как мы заметили, среди бинарных оппозиций присутствуют явные и латентные (к последним можно отнести «божественное – дьявольское»). Латентными (скрытыми) оп-

¹ Так, в паранаучном творении «исследователя» из Бишкека О.Я.Бондаренко демократия противопоставляется тотемизму, причём вводится «коэффициент демократии», изменяющийся от нуля до единицы: чем выше демократия, тем ниже тотемизм [2]. Подобного рода «исследования», по нашему мнению, позволяют вычленять мифологиче-

ские установки авторов в более чистом виде, чем подлиннонаучные исследования, опирающиеся на строгие методологические основания.

позиции становятся в результате «подстановок»; продолжая играть свою функциональную роль в организации мифа, они теряют подлинные имена и приобретают новые, которые им не соответствуют.

Проникновение этих латентных оппозиций в мировые геополитические отношения, а также маскировочная суть современной дипломатической риторики подчеркнута Н.А.Нарочницкой: «Поскольку в качестве цели внешней политики и международной дипломатии уже давно выступают не национальные интересы, а «счастье человечества», «вечный мир», «демократия», соперник становится врагом человечества и тем самым «козлом отпущения». Но в своей сущности проблемы и противоречия холодной войны только повторяли геополитические константы и историко-культурные тяготения прошлого. Но конфликт интересов, ранее управляемый не только рациональным взвешиванием, но подлинными моральными принципами, прежде всего признанием прав на такие же интересы, сейчас рассматривается в манихейской дихотомии борьбы светлого и тёмного начал» [12, 335].

Ближайшими эквивалентами всех рассмотренных выше оппозиций могут служить привязанные к поверхности планеты, а именно: «проамериканское / антиамериканское», ранее более чётко центрированная как «(про)американское / (про)советское», (геополитический код); «западное / восточное» (географический код). Америка (США), разумеется, оказывается эквивалентна демократии (в её религиозном значении). Она – и эпицентр, и столица демократии, и великая богиня, оную породившая. Государство США по отношению к демократии выполняет функцию государства Ватикан по отношению к католической вере – главного её земного представительства. По замечанию Н.А.Нарочницкой, «Америка изначально строилась как земля обетованная и обещала стать осуществлением кальвинистского отрыва от исторической традиции «людей мира» [12, 72]. Америку заселяло пуританское по вероисповеданию европейское «третье сословие», надежды которого на образование западного «земного рая» (где избранные, т.е. богатые люди могут обрести спасение ещё при жизни) к настоящему времени трансформировались в ещё более приземлённые ориентиры «американской мечты». Американская *либеральная демократия* – на самом деле суть лишь одна из множества возможных моделей демократии; но всякие другие модели не считаются подлинными, коль скоро не имеют священной, т.е. американской санкции на существование.

Поскольку эпицентр демократии – на самом западе, то в восточном направлении демократия, понятное дело, убывает. На востоке живут

люди необращённые, либо нетвёрдые в демократии, подверженные всем порокам коммунизма, монархизма, и пр., не выполняющие обрядов демократического общества. Проявления дихотомии запада и востока широко распространены в современной мифологически-содержательной литературе – и не только в заокеанской. И.Слепцов, а вслед за ним К.Мяло [11, 39] считают, что отнюдь не случайно основатель жанра «фэнтези» Дж.Р.Р.Толкиен в своей (взятой на вооружение массовой культурой) трилогии «Властелин Колец» именно на востоке поместил мрачное тоталитарное царство Мордор, противостоящее «свободным народам» людей, эльфов, гномов и хоббитов западного Средиземья (Средиземноморья?).

Согласимся с К. Мяло в основном, обратившись к конкретике фантазийных образов. Множественные привязки к толкиеновского востока к России и Азии являются косвенными, но довольно отчётливыми. В именах мужественных, но нетвёрдых в приверженности западной эльфийской мудрости героев проскальзывают славянские корни (Боромир); в экипировке армий предавшихся Саурону восточных правителей весьма узнаваемы индийские слоны. Отметим, впрочем, что западное Средиземье, по Дж.Р.Р. Толкиену, образует не полную антитезу восточному царству, а именно «среднее звено», за овладение которым борются Свет и Мрак. Наиболее западная (представляющая абсолютное добро) часть толкиеновского мира описана в «Сильмариллионе» – что не случайно. Эта книга построена как стилизация под прозаический пересказ эпических песней эльфов – и потому в ней нет характерного для романов про хоббитов добродушного «снижения» героического пафоса. На дальнем западе, отделённом водной преградой (в Великобритании, Америке?), Дж.Р.Р. Толкиеном помещено земное обиталище валаров – божественных основателей рода эльфов и людей.

Хотя термин «империя зла», открыто применённый Р. Рейганом по отношению к Советскому Союзу, принадлежит Дж.Р.Р. Толкиену, нам думается, что сводить творчество последнего к жанру политического памфлета было бы большим огрублением. Оно многослойно – и вряд ли могло питаться одной лишь геополитической ненавистью. Но ею оно питалось тоже.

Сам автор возражает против поиска аллегорий во «Властелине Колец», иронизируя: «Спрашивать, разумелись ли под орками коммунисты, по мне всё равно что интересоваться, коммунисты ли орки» [16,

523]. Впрочем, не всё то, что в художественном произведении оказывается выражено, намеренно закладывается автором. Даже если «партийная принадлежность» орков Дж.Р.Р. Толкиеном не оговаривалась, зато невольно проявлялось эмоционально нетерпимое к ним авторское отношение: эти персонажи недолюди, они не заслуживают жизни, их необходимо поголовно уничтожать. Разумеется, выведение наименования сего подземного народа из имени римского бога подземного царства Орка очевидно и лежит на поверхности, и всё же само слово «орк», предлагаемое автором многих специально разрабатываемых «искусственных языков», для нас несколько подозрительно (не происходит ли оно и от *orient* – восточный?). Уничтожению орков в «Хоббите» служит специальный меч *Оркрист* («Гоблиносек») [16, 62], чьё название оказывается удивительно подобным названию «сербосека» – ритуального ножа для массовых убийств сербов, применяемого хорватскими уставами в период поддержанного Гитлером и Муссолини становления независимой Хорватии. Разумеется, Дж.Р.Р. Толкиен вряд ли мог быть *сознательным* сторонником геноцида. Но правда и то, что подмечаемая оппозиция востока и запада, конституирующая геополитический миф, в содержании толкиеновских произведений действительно присутствует в жестоких формах (войдя в него, возможно, и не вполне произвольно и осознанно). В письме У.Х. Одну писатель признаётся в наличии у себя «комплекса Атлантиды» и в том, что «тот, кто родом с Северо-Запада, волей-неволей, подчиняясь велению сердца, передаст дух этого края. Безбрежное море бесчисленных поколений предков на Западе, бескрайние просторы (откуда обычно появляются враги) на Востоке» [16, 512]. Правда, что Дж.Р.Р.Толкиен очарован «лыющим с Запада «светом Благословенного Края», светом, который для обитателей погружённого в тьму Среднеземья предстаёт как свет совершающего *выворотное движение*, т.е. восходящего с Запада солнца» (К.Мяло [11, 41]); а такое выворотное движение поневоле напоминает нацистскую редакцию свастики, в которой сей солнечный символ устремлён против часовой стрелки. Кстати, с тем же «восходом солнца на западе», как справедливо замечает К.Мяло, связывали свои надежды на расчленение единой России покровительствуемые гитлеровскими войсками украинские националисты образца 1943 г. и их довольные современные последователи, перепечатавающие следующие лирические строки:

Хай шаліють москалі неситі,
Ми не кинем вічне бороття!
Прийде час – і в західньому світі
Зійде сонце нашого життя [11, 42].

Мифологическая «антивосточность» Запада, обнаруживаемая во всех многообразных проявлениях – как либерально-демократических (США), так и национал-социалистических (Третий Рейх), антиправославных (Ватикан), сепаратистских (униатская Галиция) и т.д. – встречает, кстати сказать, вполне комплементарный ответ в мифологической системе, по сей день сохранившейся в фольклоре славянских народов. Как и следует ожидать от традиции православных славян, не подвергнутых окатоличиванию, к коим относятся и сербы, запад для них противопоставлен всяким надеждам. Н.И.Толстой на материале народных примет и ритуалов даёт *сербский* перечень традиционных бинарных оппозиций: правый – левый, мужской – женский, *хороший* – *плохой*, живой – мёртвый, верхний – нижний, передний – задний, внутренний – внешний, ближний – дальний (домашний – недомашний), *восточный* – *западный*, входной – выходной, ранний – поздний, прямой – кривой, продольный – поперечный, лицевой – нелицевой (тыльный, изнаночный), здоровый – больной, солнце – месяц, дом – лес, нечет – чёт [17, 153]. Сочетание оппозиций *восточный* – *западный* и *хороший* – *плохой* (именно так) в традициях Сербии и Черногории обнаруживается в обряде варки ритуальной каши в день св.Варвары (каша может закипать с востока или северо-востока, что даст урожай, либо с западной и южной сторон – тогда всё будет плохо) [15, 158]. Нетрудно проследив за этими ценностно окрашенными направлениями, на юге (Турция) и западе обнаружить исторических врагов южнославянского православия, а на северо-востоке – единственного традиционно сильного союзника. Северо-востоку доверяют, не ждут подвоха; всякие же операции незваных гостей с запада (даже по видимости «освободительные», «антигитлеровские» налёты союзнической авиации во вторую мировую) по странному стечению обстоятельств оборачиваются лишь разрушениями.

Но вернёмся же к мифологическому мировоззрению стороны-агрессора. Как мы видим, оппозиция «восток / запад» глубже, древнее и многозначнее по содержанию, чем оппозиции, привязанные к современной идеологической конкретике США. Однако, в соответствии с мифологической логикой, отношения между этими оппозициями являют собой полную эквивалентность.

Географическая локализация обоих членов противоречия (на западе – демократическое, (про)американское; на востоке –

тоталитарное, (про)советское, антиамериканское) переносит мифологический конфликт из виртуального пространства в реальное. И здесь, начиная с периода распада Содружества социалистических стран и развала СССР, мы можем быть свидетелями реально-практического воплощения характерного для мифологического мышления вообще процесса *медиации*. Напомним, что, по К.Леви-Строссу, введение медиаторов (посредников) требуется в тех случаях, когда оппозиция наиболее «сильна», несовместимость её полюсов обнаружена в крайних формах. Именно в таких крайних формах в искусственном мифе предстаёт дуализм демократии и антидемократии. В пределах политического кода эти величины предстают несоединимыми (единая общечеловеческая сущность для искусственного мифа не оказывается политически нейтральным полем объединения, ибо эта сущность заранее истолкована как демократическая), но в коде географическом такое соединение кажется вполне возможным. Чего ж проще: продвинуть запад на восток. Как свинья казету в мифологической схеме у К.Леви-Стросса становится медиатором между человеком и ягуаром, так и НАТО, двигаясь на восток, в американском мета-мифе служит медиатором между востоком и западом, демократическим и тоталитарным миром. Нет нужды напоминать, что эта организация выглядит «посреднической» и «миротворческой» только изнутри конкретной системы искусственного мифа.

Отдельно остановимся на оппозиции «(про)капиталистическое / (про)коммунистическое» (политический код), представляющей также как «современное / отсталое» (временной код) и «правое / левое» (пространственный код). Нас в данном случае занимает как раз код пространственный. Не секрет, что «лево» и «право» могут поменяться в зависимости от того, куда лицом стоишь (как расположишь координатную ось). На любопытную особенность применения оппозиции «правое / левое» в России обратил внимание А.И. Солженицын. Оказывается, т.н. «правые» политики, если строго применять к ним традиционно сложившуюся систему определения места в политическом спектре, оказываются вовсе не правыми, а «левыми либералами» (поскольку к правым традиционно относят патриотические силы). Стало быть, заметим мы, эти убеждённые западники, оставившие патриотические позиции коммунистам, оказываются действительно правыми лишь в той системе координат, в центре которой находится некая чужая страна. Взятые по отношению к США, названия «левых» и «правых» оказываются адекватными: больших патриотов Америки, чем представители русских либералов, в России нет. О чём говорит эта

географически смещённая «точка зрения» (в понимании Б.А.Успенского [18])? Именно о том, что деление русских политиков на правых и левых произошло в логике американского искусственного мифа, чему и коммунисты не сумели эффективно противостоять, некритически приняв некорректное обозначение.

Историко-культурное основание вошедшей в современную дипломатическую риторику оппозиции левое-правое Н.А.Нарочницкая находит в тексте Евангелия от Матфея: «Когда же придет Сын Человеческий во славу Своей... И соберутся пред ним все народы; и отделит одних от других. Как пастырь отделяет овец от козлов; И поставит овец по правую сторону, а козлов – по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону его: «приидите, благословенные отца моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира...» (Мф. 25.31-34). Принцип, по которому произведено разделение, касается добрых дел праведников по отношению к ближним; стало быть, «учение о социальной роли государства неоспоримо вытекает не из «левого», но из «правого» духа – христианского. Что же касается «левых», то таковыми названы те, кто остался равнодушен к бедам других и никому не помог...» [12, 57]. Если цепляться к частностям этой позиции, то мифологическое разделение *правой* и *левой* стороны – как *правды* и *лжи* (*кривды*), т.е. как прямого и кривого (извращённого, нарушенного, уклоняющегося) проявления *исходящего от Бога универсального порядка, законосообразности* – восходит ещё к дохристианскому периоду (в чём убеждает М.Л. Серяков в исследовании языческих основ русского духовного стиха о Голубиной книге [14, 297]). Но верно и то, что политическая риторика XX столетия, сформированная Европой, мобилизовала скорее христианский символический образ, чем предшествовавшие ему языческие.

«Свобода / несвобода» (либерально-волевой код) также оказывается оппозицией, эквивалентной предыдущим, ибо свобода оказывается достижимой исключительно в рамках демократии (под «свободой» почти всегда подразумевается внешняя свобода, обычно конкретизируемая как свобода слова и экономической деятельности). Для либерала, присягнувшего описываемой системе искусственных мифов, свобода представляет не открытое пространство для самовыражения, но некую социально-обозначенную плоскость, ограниченную рамками рынка; выход за эти рамки не только исключается правилами данной свободы, но и

неинтересен самому человеку. На самом деле такой человек не свободен, свободна его «персона» (К.Г. Юнг), заставляющая соответствовать ожиданиям, добиваться успеха, выгодно себя «продавать».

Экономическим ликом «демократии» выступает «конкуренция», признаваемая главным рычагом прогресса цивилизации. Протестантская этика, предполагающая богоизбранность богатых, которые трудом заслужили себе спасение и место под солнцем, неким отблеском божественности наградила и этот принцип равенства условий экономической деятельности. Конкуренция – это и есть то «правило игры» в экономической области, которое, якобы, и обеспечивает опережающую эффективность демократии. Оппозиции, связанные с «рыночностью / нерыночностью хозяйства» и «положительным / отрицательным отношением к частной собственности», становятся лишь модусами оппозиции «эффективное / неэффективное», в которой полюс «эффективности» жёстко закреплён за демократией, чья мана, повторим, передаётся её апологетам, повышая их конкурентоспособность на рынке. Реальная (немифологическая – и идущая вразрез с мифологической) эффективность «недемократичного» хозяйства вызывает у демократов понятное раздражение (отсюда странные реформы российских либералов-реформаторов, в ходе которых приватизация государственного достояния проводилась не ради прибыли, а ради одной лишь смены формы собственности).

О том метафизическом весе, который имеет понятие эффективности для американцев, Н.А.Нарочницкая пишет следующее: «Америка была воплощением пуританской идеи о разрушении традиционной системы хозяйства. Наконец, Америка должна была стать землёй обетованной для пуритан, которые полагали, что они становятся *орудием* Бога и тем вернее их избранничество, чем эффективнее они действуют в сфере мирской активности» [12, 72]. Становясь «орудием», обречённым доказывать свою эффективность в честной (либо не честной) конкуренции, якобы свободный духовный наследник пуритан с большой ревностью следит за чужой эффективностью, боясь быть исключённым из круга избранных для спасения «за неуспеваемость». Как всякое «орудие» (человек-средство) «свободный» американец деструктивен в отношении к образу жизни и хозяйствования каждого «несвободного», кто, однако, в отличие от него и сам причастен к цели (причём к цели альтернативной, не замкнутой в «лягушатнике» «американской мечты»).

Оппозиция «сильное / слабое» (код энергии, потенциала) также может быть обнаружена в отношении носителей американского искусственного мифа к окружающим иноверцам. Сила

соответствует демократии (по определению), но всё же признаётся как присутствующая и вне демократического бомонда (по недоразумению). Недемократическая (не признанная демократами) сила по определению преступна – даже если не нарушает своих внутренних законов, пусть и совершенно идентичных законам демократическим. Потому оппозиция «законное / преступное» (юридический код) эквивалентна оппозиции «демократическое / недемократическое» – в аспекте любого действования, поступления. В процессе же реагирования противоположной стороны на это «мифологическое законное» может быть фиксирована оппозиция «послушное / непослушное» (педагогический код), выражающая меру закоренелости этой стороны, устойчивости в преступной нелюбви к демократии.

Фундаментальные противоречия «своё / чужое» (код собственности), «мы / они» (социальный код), содержащиеся, по видимому, во всяком искусственном мифе, позволяют демократу идти не только на жёсткие, но и на явно недемократические меры. Они оправдывают любые методы борьбы, ибо исключают между демократом и недемократом всякую возможность сродства (а ведь оба принадлежат к человеческому роду). Классовая ненависть между персонажами «Собачьего сердца» М.А.Булгакова (профессор Преображенский признавался, что он не любит пролетариат, пролетариат же, веря в марксистский искусственный миф о себе, его за это ненавидел и мечтал уничтожить) во многом аналогична современным реалиям, в которых чья-либо нелюбовь к демократам расценивается последними как тягчайший грех бесчеловечной контры. Признание противоположной стороны сущностно «чужой» необходимо для снятия слишком очевидных, кричащих противоречий между содержанием искусственного мифа и содержанием реальных действий по его утверждению. Пролетарий не унился до кражи калош у человека, поскольку калоши им экспропрированы у «эксплуататора», чуждого элемента. Демократ не покусился на право человека на жизнь, ибо он бомбил «изгоя».

Подведём *итоги*. Нами был рассмотрен ряд семиотических оппозиций, несомненно играющих ключевую роль в той системе искусственных мифов, которая составляет контекст любого (реконструируемого из геополитических действий представителей атлантической цивилизации) мифологического повествования: «демократия / диктатура», «демократическое / тоталитарное» (политический код); «божественное / дья-

вольское» (теологический код); «проамериканское / антиамериканское», «(про)американское / (про)советское», (геополитический код); «западное / восточное» (географический код); «правое / левое» (пространственный код); «(про)капиталистическое / (про)коммунистическое» (политический код); «современное / отсталое» (временной код); «свобода /

бода» (либерально-волевой код); «эффективное / неэффективное» (силовой код), и т.д. Таким образом, мы рассмотрели и тот мифологический контекст, в который органично входит искусственный миф, выразившийся в агрессии НАТО в Югославии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Мифологии: Пер. с фр. – М.: Изд. им. Сабашниковых, 2000. – 320 с.
2. *Бондаренко О.Я.* Демократия и тотемизм // Психология и соционика межличностных отношений. – 2003. – № 1. – С.48-59.
3. *Бреусенко-Кузнецов А.А.* Мифы естественные и мифы искусственные в философско-психологическом рассмотрении // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут»: Філософія. Психологія. Педагогіка. – 2004. – № 1 (10). – С. 81-94.
4. *Бреусенко-Кузнецов А.А.* Искусственный и естественный мифы в художественной литературе: экзистенциальный критерий различения // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут»: Філософія. Психологія. Педагогіка. – 2004. – № 2 (11). – С. 79-94.
5. *Бреусенко-Кузнецов А.А.* К проблеме реконструкции искусственного мифа в сфере геополитики // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Філософія. Психологія. Педагогіка. – 2004. – № 3 (12). – С. 55-70.
6. *Бреусенко-Кузнецов А.А.* «Казни Египетские»: анализ мобилизации библейского мифа в искусственном мифотворчестве // Психологічний ресурс простору вищої освіти / За ред О.В.Винославської. – К.: Політехніка, 2004. – С.18-28.
7. *Бреусенко-Кузнецов А.А.* «Казни Египетские». К экзистенциально-психологическим истокам современного мифотворчества: Монография. – К.: Вид-во "КИТ", 2004. – 150 с.
8. *Вознесенька О.Л.* Політична міфологія як засіб пізнання та усвідомлення соціально-політичної реальності // Освіта як фактор національної безпеки. Мат. Всеукр. науково-практичної конференції (20 грудня 2002 р.). – К.: Вид-во Академії муніципального управління, 2003. – С. 333-342.
9. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием в России сегодня. – М.: Алгоритм, 2001. – 544 с.
10. *Кольев А.Н.* Политическая мифология: Реализация социального опыта. – М.: Логос, 2003. – 384 с.
11. *Мяло К.* Между Западом и Востоком. Опыт геополитического и исторического анализа. – М.: Изд. А.Соловьёв, 2003. – 224 с.
12. *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. – М.: Международные отношения, 2003. – 536 с.
13. *Одайник В.* Психология политики. Политические и социальные идеи К.Г.Юнга: Пер с англ. – С.-Пб.: Ювента, 1996. – 382 с.
14. *Серяков М.Л.* «Голубиная книга» – священное сказание русского народа. – М.: Алетея, 2001. – 663 с.
15. *Смирнов М.Ю.* Мифология и религия в российском сознании: Методологические вопросы исследования. – С.-Пб.: Летний сад, 2000. – 130 с.
16. *Толкиен Дж.Р.Р.* Хоббит, или Туда и обратно: Избранные произведения: Пер с англ. – М.: Эксмо, СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 608 с.
17. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
18. *Успенский Б.А.* Поэтика композиции. – С.-Пб.: Азбука, 2000. – 352 с.

Стаття надійшла до редакції 15.06.2006 р.